

УДК 321.019(47)(092)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.46>

Сибирские стимулы трансформации князя Кропоткина в революционера-анархиста и их эвентуальные уроки для многополярного мира

А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Показывается, что сегодня на фоне попыток определения многополярного мира в качестве глобального анархизма и проявления эпохи международной анархии усилился интерес к истокам анархизма, в том числе к российским авторам его теории. Философ Н. Бердяев говорил, что мировой анархизм сделали русские «баре»: М. Бакунин, Л. Толстой, П. Кропоткин. Осуществлен анализ того, какие факторы сибирской действительности середины XIX в. заставили П. Кропоткина – наследственного князя – стать анархистом. На основе анализа дневников и записок самого П. Кропоткина и его современников показывается, что сибирскими истоками анархизма стали для географа и политика П. Кропоткина три фактора: реалии сибирской природы, жизнь аборигенных и русских «старожильческих» сообществ, критический взгляд на возможности и вклад местных властей в хозяйственную и общественную жизнь. Отмечается, что и в российских, и в иностранных научных источниках уточняются и детализируются факторы, которые легли в основу взглядов Кропоткина о «природной этике», истоках альтруизма и роли триады «взаимопомощь – справедливость – нравственность» в эволюции всего живого. Признается, что он следовал принципам, которые могут реализоваться в современном многополярном мире, что настраивает на поиск нераскрытых ресурсов глубинки и провинции в динамике сложных общественных проблем. Подчеркивается, что для сообществ Сибири важна его мысль о роли, которую, казалось бы, неизвестные массы играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке новых форм общественной жизни.

Ключевые слова: глобальный анархизм, личность и общество, нравственность, сибирская природа, старообрядцы, эволюция многополярного мира.

Для цитирования: Карнышев А. Д., Иванова Е. А. Сибирские стимулы трансформации князя Кропоткина в революционера-анархиста и их эвентуальные уроки для многополярного мира // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 56. С. 46–59. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.46>

Original article

The Siberian Incentives of Prince Kropotkin's Transformation into a Revolutionary Anarchist and Their Eventual Lessons for a Multipolar World

A. D. Karnyshev, E. A. Ivanova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

© Карнышев А. Д., Иванова Е. А., 2026

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Abstract. The article shows that, against the backdrop of attempts to define the multipolar world as “global anarchism” and “manifestations of the era of international anarchy,” there has been an increased interest in the origins of anarchism, including the Russian authors of its theory. Philosopher Nikolai Berdyaev said that Russian “nobles” such as Mikhail Bakunin, Leo Tolstoy, and Peter Kropotkin “made” global anarchism. The article analyzes the factors of the Siberian reality in the mid-19th century that led P. Kropotkin, a hereditary prince, to become an anarchist. Based on an analysis of P. Kropotkin's diaries and notes, as well as those of his contemporaries, the authors demonstrate that three factors played a significant role in shaping P. Kropotkin's anarchist beliefs: the realities of Siberian nature, the lives of indigenous and Russian “old-timers,” and a critical perspective on the capabilities and contributions of local authorities in economic and social life. It is emphasized that he himself admitted, “In Siberia, I was prepared to become an anarchist.” P. Kropotkin's experience was later deservedly appreciated by a number of contemporary foreign researchers: E. Aronson, F. de Waal, M. Ridley, and D. Wilson. It has been shown that both Russian and foreign scientific sources specify and detail the factors that formed the basis of Kropotkin's views on “natural ethics,” the origins of altruism, and the role of the triad “mutual assistance-justice-morality” in the evolution of all living things. He admits that he has followed principles that can be implemented in today's multipolar world, which encourages him to explore the untapped resources of the “provinces” in the dynamics of complex social issues. For the communities of Siberia, his idea is important about the role that seemingly unknown masses play in major historical events: migrations, wars, and the development of new forms of social life.

Keywords: global anarchism, personality and society, morality, Siberian nature, Old Believers, evolution of Multipolar World.

For citation: Karnyshev A.D., Ivanova E.A. The Siberian Incentives of Prince Kropotkin's Transformation into a Revolutionary Anarchist and Their Eventual Lessons for a Multipolar World. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 56, pp. 46-59. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.46> (in Russian)

Общая оценка сибирских дел и идей П. Кропоткина отечественными и зарубежными исследователями

На фоне часто встречающихся сегодня определений многополярного мира как глобального анархизма и проявления эпохи международной анархии усилился интерес к истокам анархизма, в том числе к российским авторам его теории. Многозначность и междисциплинарность понятия «анархизм» позволяет увидеть некоторые его атрибуты и в многополярном мире [9]. Это проявляется в том, что отдельные исследователи и публицисты употребляют термин «глобальный анархизм», во-первых, для обозначения безвластных форм самоорганизации сообществ в многополярном мире, а во-вторых, для фиксации феномена роста в них сторонников анархизма. По большому счету в этом нет ничего принципиально нового: Г. Киссинджер в книге «Мировой порядок» говорил об «анархической сущности мира», которую нужно облагородить «с помощью обширной сети международных правовых и организационных структур» [10, с. 14].

Что касается основных подходов к рассматриваемому вопросу, в российской мысли, особенно советского периода, наблюдалось в первую очередь негативное толкование анархизма. В «Философском словаре» отмечается, что это мелкобуржуазное общественно-политическое течение, враждебно относящееся ко всякой власти и государству, противопоставляющее интересы мелкой частной собственности и мелкое крестьянское хозяйство прогрессу общества, основанному на крупном производстве. Правда, признается, что после Второй мировой войны идеи так называемого коммунистического

анархизма по Кропоткину получили распространение в Восточной Азии, Латинской Америке [17, с. 18]. Но уже в начале постсоветского периода в «Краткой философской энциклопедии» формулировки были смягчены: в содержание анархизма включено не только и не столько внимание к идее безначалия и безвластия, сколько подчеркивание в нем тенденций самостоятельности и свободной инициативы людей. «Анархия – состояние, в котором находится общество, когда в нем упразднена государственная власть. Анархизм – это учение об обществе, которое в качестве руководящего начала признает только волю отдельной личности, всякий же авторитет и государственный строй отвергает» [11, с. 20]. В таких теоретических построениях видится сближение анархизма с либерализмом. Главными представителями анархизма в России названы М. Бакунин и П. Кропоткин. На самом деле приведенные взгляды политизированы и упрощены, особенно в социально-психологическом плане. В работах названного отечественного теоретика (и практика) анархизма П. Кропоткина весьма важной идеей звучит сопоставление воли и свободы личности в человеческом обществе с близкими параметрами поведения в животном мире. В первом аспекте широко известна и интересна его мысль о том, что в истоках природной этики и механизмах ее переноса в жизнь человеческих сообществ, прежде всего в анархию, можно и нужно находить симбиоз естественных и нравственно-психологических закономерностей. В русле экономического поведения у Кропоткина в очерке «Нравственные начала анархизма» есть признание о конечном итоге естественной свободы личности: «Нам не страшно сказать: “Делай что хочешь, делай как хочешь”, потому что мы уверены, что громадная масса людей, по мере того как они будут развиваться и освобождаться от старых пут, будут поступать так, как лучше будет для общества...» [14, с. 305].

Наблюдая социально-психологические альтернативы оценки сути анархизма, нельзя не видеть противоречия в том, что его в целом стремятся представить как детище сугубо русских людей, причем не простых. «Поразительнее всего, – пишет Н. Бердяев, – что идеология анархизма есть по преимуществу создание высшего слоя русского барства, и этот русский анархизм приобрел общеевропейское значение. Баре – Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой – создатели русского и мирового анархизма» [2, с. 54]. В этом ракурсе интересно то, что русскость анархизма, как и соответствующие оценки появления идей о многополярном мире, приветствуется многими современными европейскими политиками как возможность усилить их негативную окраску в контексте русофобии. В противовес авторы статьи считают лишь отчасти справедливыми слова философа Н. Бердяева о том, что мировой анархизм сделали русские «бары»: М. Бакунин, Л. Толстой, П. Кропоткин. Дело не только в том, что идеи анархизма проявлялись и в древних обществах, и в Средневековье, но и в том, что Кропоткин – наследственный князь – сумел «перековаться» не в последнюю очередь благодаря своим делам и путешествиям в Сибири и на Дальнем Востоке, которые в общей сложности длились около 7 лет.

О многом говорят его признания в том, что первые уроки «изучения жизни и человеческого характера», а также «скрытых пружин общественной жизни», приведшие впоследствии к анархизму, Кропоткин получил молодым офицером, чиновником генерал-губернаторств в Сибири и руководителем экспедиций по изучению российской, и не только, территории Центральной Азии. В середине 1860-х гг. он по разным причинам изучал Восточный Саян и Западный Саян, Витимские и Олекминские золотые прииски, зарубежные районы Большого Хингана и Маньчжурии. Как естествоискусник-наблюдатель в книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» П. Кропоткин писал, что наблюдение им природы в Сибири зародило первые сомнения в существовании острой борьбы *внутри видов*; оно показало, напротив, громадное значение взаимной поддержки во время переселения животных и вообще для сохранения вида. В плане своего становления он признавался: «Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли научился в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распростился навсегда... В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом» [12, с. 206, 208]. Хотя стоит признать, что в широком плане исследователями не были затронуты истоки его анархических взглядов в молодые годы, и даже в пятитомной «Истории Сибири» при упоминании ряда его служебных и экспедиционных дел ни слова не сказано о нем как одном из основателей анархической теории.

Важно отметить, что достаточно объективные оценки существуют за рубежом. Особое внимание Кропоткину в своей книге «Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству» уделил известный английский биолог и журналист М. Ридли. Книга начинается с пролога, в котором некий русский анархист бежит из тюрьмы, и этот эпизод демонстрирует сложный социальный механизм взаимопомощи между людьми. Но прежде в этой фабуле звучит восхищение тем, что потомственный князь, сын известного генерала, закончив с отличием Пажеский корпус – элитное военно-учебное заведение России в начале 60-х гг. XIX в., избрал для себя иную судьбу. «Добившись назначения в совершенно непопулярный сибирский полк, он принялся за изучение дальневосточных частей страны, прокладывая новые дороги через горы и реки, строил собственные, на удивление зрелые теории о геологии и истории азиатского континента» и после Сибири стал «достойным внимания географом» и «тайным революционером» [16, с. 13]. Но как естествоискусник-профессионал Ридли разглядел и основные биологические подоплеки широких социальных изысканий талантливого теоретика и практика анархизма, начиная с сибирских мест. В своей книге он пишет, что ее содержание посвящено поиску истоков человеческого общества, и видит те находки, которые заложил в тему Кропоткин. «Я покажу, что Кропоткин был отчасти прав: своими корнями общество уходит гораздо глубже, чем мы думаем. Оно работает не потому, что мы его сознательно избрали, а потому,

что оно есть древний продукт эволюционировавших склонностей и заключено в самой природе человека» [16, с. 16].

В развитие данных мыслей приведем позицию известного американского биолога Ф. де Вааля, который в своих книгах, с одной стороны, отмечал, что П. А. Кропоткин «задавался в 1902 г. вопросом: “Кто же оказывается более приспособленным: те, кто постоянно ведет войну друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?”» [4, с. 59]. С другой стороны, Вааль высоко оценил обобщения Кропоткина: «Видевший, как в Сибири лошади и овцебыки сбиваются в плотные группы, чтобы спастись от снежных буранов, или берут в защитное кольцо молодняк, оберегая его от волков, русский князь счел взаимопомощь самой перспективной стратегией выживания. В этом он намного опередил свое время» [5, с. 303, 304]. В то же время есть факты, которые подтверждают, что бескорыстную взаимопомощь П. Кропоткин наблюдал и на житейских, порой трагических примерах. Так, он побывал в окрестных местах после трагедии провала под воду около 200 км² бурятской степи на Байкале в конце 1861 – начале 1862 г. и знакомился с его последствиями. Побывав в те времена в окрестных местах, Кропоткин вспоминал: «В Дубинской я спустился к берегу “затона”, т. е. образовавшегося после землетрясения залива Байкала». Он отмечал, что крестьяне до настоящего времени не могут без ужаса вспомнить о землетрясении, поскольку земля ходуном заходила, колодцы засыпало, дома своротило, взломало на море лед, подняло его, и хлынула вода, затопляя бурятские улусы и топя скот. Кропоткин эмоционально воспринял рассказ, как русские жители по своей инициативе бескорыстно помогали затопленным бурятским семьям [13]. Стоит добавить, что такие путешествия и события расширяли кругозор Кропоткина и в отношении внешней природы.

Отношение к сибирским властям и проблемам

Значимым и интересным является употребление выражения о правительственной «административной машине», которым Кропоткин как потомственный русский князь мог показать себя ярким представителем своей эпохи и «страты»: «Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное» [12, с. 207]. Но реальная жизнь в сибирской глубинке заставила сопоставлять имеющиеся подходы и делать рациональные выводы.

Во-первых, он обнаружил, что Сибирь – это край, в котором исторически никогда не было помещиков, и в чем-то реализовались его зарождавшиеся представления о сущности анархизма и особенностях свободы жителей таких «окраин». Широко известна оценка Н. Ядринцевым положения данного края того времени: «Сибирское население было свободным на триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно покончившая с крепостным правом» [19, с. 440]. Кропоткин увидел значимость и красоту рядового труда простых крестьян. Даже М. Ридли приводит его описание: «Одно из самых вдохновляющих зрелищ представляет русская деревенская община во время такого

покоса, когда мужчины соперничают друг с другом в широте размаха косы и быстроте косьбы, а женщины ворошат скошенную траву и собирают ее в копны. Мы видим здесь, чем мог бы быть и чем должен быть людской труд» [16, с. 16]. Поражали и некоторые черты провинциального быта. П. Кропоткин в 1863 г. писал, что кабанские (селение в дельте Селенги) крестьяне и особенно крестьянки всегда ходят в немецком платье, а по праздникам наряжаются в великолепные штофные голубые или малиновые шубки русского покроя, называемые здесь «пальтами». Таким образом, независимое от властей благополучие было одной из основ ориентации сибиряков на непризнание властей.

Во-вторых, несмотря на относительную прогрессивность сибирской администрации того времени, Кропоткин хорошо видел, что это была «ветвь дерева, державшегося своими корнями в Петербурге». И этого было вполне достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса. Все позитивные попытки немедленно парализовывались, потому что сибирские власти принадлежали к пирамидальной, централизованной администрации [12, с. 204]. Кропоткин признавался, что видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, как мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Кстати, с противоположным примером участия правительственных структур в преобразовании края Кропоткин сталкивался в проходящих в то время мероприятиях «перевода в казаки» жителей Забайкалья и Амурской области во второй половине XIX в. Он был назначен чиновником особых поручений по казачьим делам, сделал тщательное исследование хозяйственного положения уссурийских казаков и, к сожалению, видел, как розгами приучали казаков к земледелию. И так дело шло всюду.

В-третьих, о многом заставляла задумываться способность сибирского крестьянства, скотоводов и охотников к самоорганизации и самообеспечению не только без помещиков, но и вне всяких властей. Опираясь на названные реалии и зарождающиеся идеи анархизма, Кропоткин начал понимать необоснованность приписывания правительству и законам того, что в действительности является результатом собственных привычек и негласных традиций различных свободных сообществ: больших и малых семей у аборигенов и русских старожилов, улусных и деревенских общин.

Чиновник губернского масштаба, каковым был П. Кропоткин, не мог не наблюдать противоречий, которые сложились у светских и религиозных властей в отношениях со староверами. Во-первых, он знал о динамике развития «раскольничьих» старообрядческих идей и общин в Сибири начиная со времен протопопа Аввакума в XVII в. до прибытия сосланных семьями староверов из Западной Беларуси на Алтай, в Томскую губернию и Восточную Сибирь во второй половине XVIII в. Именно эти социально-конфессиональные образования в лице небольших общин и деревень являлись примером автономного и самобытного развития локальных этнических и религиозных объединений. Их трудолюбие и искусство земледелия привели к тому, что, как писал Н. Некрасов, жители хлеб собирали с прежде бесплодной земли. Во-вторых, как раз во время его службы в Сибири в силу хозяйственной эффек-

тивности продолжалось переселение общин из числа староверов-раскольников из Забайкалья на присоединенные Муравьевым-Амурским дальневосточные земли. В то время расхожей была история об ответе со стороны старообрядческих общин, переселившихся на Амур и живущих «от начальства подальше», сибирскому губернатору Педатенко. Губернатор намекнул о целесообразности введения над ними властных уполномоченных: «Отец родной, – закричали крестьяне. – Мы люди смиренные, между нами ничего худого не случится, а если бы что и вышло, то мы сами выдадим дурня твоему благородию; подати мы платим исправно, повинности отбываем также; ну а от начальства избавь» [8, с. 87].

Кропоткин видел реальные факты, как духоборы (старообрядцы) быстро освоились на Амуре. В книге «Записки революционера» он писал, сколько выгод давала им их полукоммунистическая жизнь и как удивительно они устроились там, где другие переселенцы терпели неудачу (в близком ключе можно рассмотреть адаптацию старообрядцев в разных странах при сохранении своих стремлений к свободе и самобытности). Скорее всего, трезво мыслящий Кропоткин не мог не прийти к выводу, к которому уже в XX в. пришел Н. Бердяев. Последний утверждал, что возрастание государственного могущества, высасывающего все соки из народа, имело обратной стороной русскую вольницу, уход из государства физический или духовный. «Русский раскол – основное явление русской истории. На почве раскола образовались анархические течения. То же в русском сектанстве» [2, с. 169]. Стоит добавить, что исследователи сибирских старообрядческих общин поляков, кержаков, семейских видели их анархические особенности [см. 7; 8].

Не менее важно то, что некоторые факты из жизни П. Кропоткина позволяют переносить отдельные положения его анализа на межнациональную проблематику современности. Во-первых, П. Кропоткин как чиновник Иркутского генерал-губернаторства не мог не знать о тех новациях самоуправления, которые изучал, обобщал и частично ввел в свой Устав об управлении инородцев один из предыдущих губернаторов Восточной Сибири М. Сперанский. Сперанский понимал, что основание любых форм регулирования жизнедеятельности этнических сообществ должно находиться в духе и судьбах народа, поэтому необходимо глубоко вникнуть в настоящее состояние народа и власти, чтобы прийти к Учреждению, а не выдумывать его. Сперанский считал, что рациональную систему управления, как и новый путь развития, нельзя диктовать тому обществу, которое к нему не готово. Стоит задача не только защитить народы края от «конечного истребления», но и еще раз «присоединить их уже в новом качестве», т. е. учитывать способность этнического сообщества к саморазвитию в связи с изменившимися условиями и уровень защиты их менталитета и культуры.

Любые структуры управления должны модифицироваться в связи с ростом интеллекта и культуры этнических групп. Впоследствии некоторые из положений М. Сперанского о малых народах вошли даже в международные документы, в те их положения, которые касались в первую очередь интересов этнических меньшинств. Если разобраться, то ряд его идей не могут не

пригодиться в многополярном мире. Об этом можно судить и по высказыванию П. Кропоткина, который, наблюдая некоторые из таких атрибутов в реальной жизни, подчеркивал уникальное значение самоорганизации малых народов. «Я жил также среди бродячих инородцев и видел, какой сложный общественный строй выработали они, помимо всякого влияния цивилизации» [14, с. 206]. Данное высказывание П. Кропоткина, наряду с озвученными положениями М. Сперанского, дают возможность через ретроспективу взглянуть на перспективы малых народов в многополярном мире. Малые народы (этнические группы) в современных структурах многополярного мира в своем стремлении реализовать собственные интересы будут не только настраиваться на своеобразие, но и находить наиболее оптимальные варианты достижения этого, в первую очередь делая ставку на экономические и самобытные ресурсы межэтнических взаимосвязей. Можно рассмотреть отдельные варианты возможных подходов на примере нашего исследования (табл.). Достоверность различий между данными выборками оценивалась с помощью углового преобразования Фишера.

Таблица

Мнение респондентов (всех и по национальностям) о том, какими могут оказаться место и роль малых (например, сибирских) народов и этноконфессиональных меньшинств в многополярном мире*

Возможные место и роль малых народов	Все респонденты: N = 419 (%)	Респонденты разной национальности (%)		
		Русские (N = 299 чел.)	Буряты (N = 72 чел.)	Другая национальность (N = 48 чел.)
Объединившись, малые народы Сибири выделятся в самостоятельную нишу	15,88	15,72	8,33**	25,00**
Возникнет более устойчивая консолидация с русским народом и соответствующий субъект многополярного мира	53,08	52,17	56,94	54,17
Малые народы сумеют присоединиться к своим этнокультурным родственникам (например, буряты к монголам) и вместе с ними создать отдельные полюсы	20,14	20,40	25,00*	12,50*
Другой ответ	9,48	10,37	6,94	8,33
Затрудились ответить	1,42	1,34	2,78	0,00

Примечание: звездочкой выделены значимые различия: $p < 0,05^*$, $p < 0,01^{**}$.

Из-за многочисленности вариантов анализа для нашей статьи кратко прокомментируем только следующие аспекты. Во-первых, немного респондентов видит возможность создания самостоятельной ниши для малых народов в многополярном мире, больше респондентов высказывают перспективы сохранения культурной самобытности в контактах с русским и другими народами в большом плюралистическом обществе. Во-вторых, даже буряты, являющиеся частью «монгольского мира», не особо надеются на создание отдельных полюсов с этнокультурными родственниками, не говоря уже о представи-

телях других национальностей. Но данное обстоятельство ничуть не умаляет значение и возможности трансграничных и транскультурных контактов в многополярном мире Центрально-Азиатского региона, особенно в сферах экологической деятельности и формирования межкультурной компетентности.

В-третьих, стоит также отметить, что, путешествуя не только по российским восточным регионам, но и по Монголии и Маньчжурии, он вступал в контакты с их жителями и довольно успешно взаимодействовал с ними. В том, что он впоследствии стал авторитетным анархистом в европейских странах и активно участвовал в работе I Интернационала, скорее всего, сказался и данный опыт. Что касается роли малых народов в условиях глобального анархизма многополярного мира, то эта проблема как минимум явно открытая. Но она не может не быть актуальной, если ее рассматривать через призму сибирского признания П. Кропоткина: «Я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни» [14, с. 207].

Нельзя промолчать еще об одном политическом событии с международным резонансом, с которым столкнулся П. Кропоткин в своей бытности в Сибири. Речь идет о Кругобайкальском восстании ссыльных поляков в 1866 г. В результате подавленного восстания четверо его организаторов были публично казнены в Иркутске. Но все же жертвы восставших поляков, страдания их собратьев не были напрасными. Воспользуемся для подтверждения этого свидетельством самого П. Кропоткина, он позитивно относился к восставшим, присутствовал на суде над ними и делал там записи, в которых впоследствии отмечал: «Мне часто приходилось слышать, что восстание было безрассудно, а между тем горсть храбрых повстанцев добила кое-чего. О бунте стало известно за границей. Казни, жестокость двух офицеров, которая раскрылась на суде, вызвали сильное волнение в Австрии. Австрийское правительство заступилось за галичан, принимавших участие в революции 1863 г. и сосланных тогда в Сибирь, и некоторые из них были возвращены на родину... Вообще вскоре после мятежа 1866 г. положение всех ссыльных поляков заметно улучшилось. И этим они обязаны были бунту, тем, которые взяли за оружие, и тем... мужественным людям, которые были расстреляны в Иркутске» [14, с. 212]. Трудно не сделать вывод, что такие события и личные реакции на них не сказались на мировоззрении будущего анархиста и его авторитете в определенных европейских кругах и среди делегатов I Интернационала. И еще одно: гуманистическая позиция в той ситуации братьев Кропоткиных как известных в России князей не могла не отозваться положительно на рассмотрении дел восставших.

П. Кропоткин о нравственных истоках основных положений анархизма

В целях уточнения напрашивающихся последствий сибирского пребывания молодого П. Кропоткина, целесообразно сделать некоторые обобщения. Во-первых, стоит рассмотреть точку зрения на значение в анархизме концепций личности со стороны Н. Бердяева, который различает анархизм

по Бакунину и по Кропоткину. В частности, Бердяев считал, что главная слабость мировоззрения анархиста Бакунина – в отсутствии сколько-нибудь продуманной идеи личности, поэтому в его анархизме личность не способна к созидательной общественной активности, не мотивирована на нее и больше склонна к разрушению [1; 2]. У Кропоткина в его «анархо-коммунизме, окрашенном в цвет идеологического оптимизма», свободная личность в своих начинаниях оптимистична и нацелена на сотрудничество с другими. Принципы анархизма по Кропоткину стремятся к созвучию с общественными ценностями, поэтому субъекты анархизма во многих ситуациях «будут поступать так, как лучше будет для общества...» [14, с. 305].

В таких выводах существенно то, что из глубины природы, а именно из анализа контактов в животном мире, П. Кропоткин выводит важнейшие качества и принципы жизни людей [см. 14; 15]. Характеризуя истоки организации человеческих сообществ и органов власти в них, он зафиксировал ряд тезисов в своей известной работе «Нравственные начала анархизма». Так, он считал, что, наблюдая за животными сообществами, приходится признать, что нравственное начало «отнесись к другим так, как ты желал бы, чтобы они относились к тебе при тех же обстоятельствах» встречается везде, где существует общество. «Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтоб другие обращались с нами... провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства... мы признаем полнейшую свободу личности» [14, с. 299, с. 307].

Во-вторых, что касается методологического аспекта таких взглядов, то Кропоткин писал, что природа может быть названа *«первым учителем этики, нравственного начала для человека. Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным, – вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности»* (курсив Кропоткина) [14, с. 54, 55]. Хотя и с элементами дискуссии нельзя не отметить, что в условиях плюралистических идеологических концепций многополярного мира некоторые положения природной этики будут работать в интересах консолидации людей. Развитие нравственности в таком случае не может остановиться на достигнутых результатах. Как специалист по истокам морали у приматов, Ф. де Вааль поддержал П. Кропоткина уже на основе современных научных концепций, утверждая, что нельзя рассматривать природную этику «как пожизненное тюремное заключение. Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию, и только; мы, люди, давно научились строить новые здания на старых фундаментах» [4, с. 334]. В то же время в интересах многополярного мира стоит проследить логическую переключку (взаимопереход) установившихся в прошлом привычек и правил «природной этики» с известными нравственными постулатами **многих религий:**

- буддизм – «не делай другим того, что сам считаешь злом»;
- индуизм – «не делай другим того, что причинило бы боль тебе»;
- иудаизм – «что ненавистно тебе, не делай другому»;

- христианство – «не делай другим того, чего себе не желаешь».

В этом плане существенно замечание Кропоткина к природой обусловленной триаде «взаимопомощь – справедливость – нравственность», в которой третий компонент – нравственность, «развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается наименее обязательным», поскольку предполагает динамику в связи со временем и ситуациями. Заканчивая очерк «Нравственные начала анархизма», П. Кропоткин утверждал: «Бывают эпохи, сказали мы, когда нравственное понимание совершенно меняется. Люди начинают вдруг замечать, что то, что они считали нравственным, оказывается глубоко безнравственным... Это времена суровой критики старых понятий. Они самый верный признак того, что в обществе совершается великая работа мысли. Это идет выработка более высокой нравственности» [14, с. 316]. На наш взгляд, важнейший аспект современной сущности данного замечания можно найти в том, что в структуре многополярного мира в разных странах, национальных институтах и их союзах, а также в индигенных этнических группах возникают и действуют ситуативно-специфические нормы, с которыми определенным сообществам невозможно не считаться. И еще одно: новое здание многополярного мира естественно потребует нового прочтения некоторых постулатов нравственности.

В-третьих, положения о развитии природной этики целесообразно рассматривать шире, в том числе в возможности (и неизбежности) отрицательных последствий. Д. С. Уилсон, профессор биологических и антропологических наук Бингемптонского университета (Великобритания), один из авторов популярной в мире книги «Эволюция. От Дарвина до современных теорий», открыто увязывает естественнонаучные и политические взгляды на взаимопомощь и сотрудничество П. Кропоткина, который был не только натуралистом, но и самым известным анархистом в мире. Причем оценке подвергаются разносторонние позиции Кропоткина – от агрессии и авторитаризма до страстного человеколюбия. Признанием Уилсоном обоснованности концепций Кропоткина об единой взаимосвязанной сущности природы и «природной этики» служит следующая фраза: «Он пришел к выводу, что альтруизм у всех встреченных видов был отделен от кровного родства. “Не соревнуйтесь!” – писал он в своей авторитетной книге “Взаимопомощь как фактор эволюции” (1902 г.). Этот призыв доносится до нас из кустов, лесов, рек и океана. Поэтому объединяйтесь – практикуйте взаимопомощь» [18, с. 244].

Детализируя данное высказывание в контексте многополярного мира, можно показать ряд следствий. Во-первых, становятся психологически и диалектически более понятными причины и доводы современных сравнений многополярного мира с глобальным анархизмом, что для немалого числа людей выглядит парадоксом. Во-вторых, в таком мире более существенную роль должны играть ориентиры альтруизма и кооперации. В-третьих, далеко не всегда могут реализоваться попытки человеческих сообществ полностью избавиться от тенденций консолидации и сотрудничества только ради собственных интересов группы («огруппление запросов») и/или каждого ее члена. И в многополярном мире нельзя сбрасывать со счетов предупреждение

Бердяева, что свободные анархические общины могут превратиться в идиллические мещанские утопии, лишённые всякого глубокого содержания [3, с. 663]. Вряд ли структуры многополярного мира, особенно на первоначальных этапах, будут избавлены от таких негативных проявлений, как nepoтизм, фаворитизм, кумовство, практика привилегий, предоставляемых друзьям или родственникам независимо от их реальных достоинств.

Заключение

Зарубежные и отчасти отечественные исследователи, мнения которых о П. Кропоткине и его трудах приводятся в данной статье, свои оценки строили на основании его теоретических работ и в некоторой мере международной революционно-анархической деятельности. Но направления российского анализа причин и факторов становления будущего анархиста Кропоткина и его концепций не могут быть полными без рассмотрения его естественного и политического опыта в Сибири.

Что касается сибирских «потенций» рассмотренных положений П. Кропоткина для многополярного мира, то в данном ключе интересны позиции автора известных работ по теории многополярного мира А. Дугина, который, в частности, считает, что в основу полюсов этого мира могут быть положены разные критерии. В такой системе может развиваться регионализм, локальные, этнические и религиозные общины, поскольку унифицирующее давление, свойственное национальным государствам, существенно ослабнет [6, с. 477]. Такая точка зрения говорит не только о конкретных формах участия региональных сообществ в многополярном мире, но и о значимости тенденций рассматривать их перспективы в обществе глобальной анархии. Существенен вывод, который делают зарубежные исследователи, в частности Д. Уилсон, о связи политических и естественных позиций Кропоткина: «Он видел в анархизме следующий этап эволюции» [18, с. 244]. В нашем понимании эта фраза относится и к многополярному миру.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990. С. 43–271.
3. Бердяев Н. А. Судьба России: сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 736 с.
4. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.
5. Вааль де Ф. Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 442 с.
6. Дугин А. Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2013. 532 с.
7. Карнышев А. Д., Иванова Е. А. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в Байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 75–84. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.75>
8. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Ресурсы личности и межэтнического взаимодействия в многополярном мире (Междисциплинарный дискурс). Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. 168 с.
9. Карнышев А. Д., Карнышева О. А. Отношение к власти и личности в анархизме и особенности их проявления в многополярном мире // Институт психологии Российской ака-

демии наук. Организационная психология и психология труда. 2025. Т. 10, № 4. С. 4–32. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2025_37_4_001

10. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М. : АСТ, 2023. 544 с.
11. *Краткая философская энциклопедия.* М. : Прогресс ; Энциклопедия, 1994. 576 с.
12. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М. : Советская Россия, 1966. 544 с.
13. *Кропоткин П. А.* Письма из Восточной Сибири. Иркутск : Вост.-Сиб. Кн. Изд-во, 1983. 192 с.
14. *Кропоткин П. А.* Этика. Избранные труды. М. : Политиздат, 1991. 496 с.
15. *Кропоткин П. А.* Этика. Из фрагментов 2-го тома «Этики» // Опыты. Литературно-философский сборник. М. : Советский писатель, 1990. С. 248-270.
16. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М. : Эксмо, 2014. 371 с.
17. *Философский словарь / ред. И. Т. Фролов.* 5-е изд. М. : Политиздат, 1986. 590 с.
18. *Эволюция. От Дарвина до современных теорий / под ред. Дж. Эллисона.* М. : АСТ, 2020. 320 с.
19. *Ядринцев Н. М.* История освоения Сибири. М. : Эксмо, 2023. 640 с.

References

1. Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p. (in Russian)
2. Berdjaev N.A. *Russkaja ideja* [The Russian Idea]. *O Rossii i russkoj filosofskoj kulture* [About Russia and Russian Philosophical Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 43-271. (in Russian)
3. Berdjaev N. *Sudba Rossii: Sochinenija* [The fate of Russia: The essays]. Moscow, JeKS-MO-Press Publ., 1999, 736 p. (in Russian)
4. Vaal' F. *Istoki morali: v poiskah chelovecheskogo u primatov* [The Origins of Morality: In Search of the Human in Primates]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2015, 376 p. (in Russian)
5. Vaal' de F. *Poslednee objatie Mamy. Chemu nas uchat jemocii zhivotnyh* [The last hug from Mama. What animal emotions teach us.]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2020, 442 p. (in Russian)
6. Dugin A. *Teorija mnogopoljarnogo mira* [The theory of a multipolar world]. Moscow, The Eurasian Movement Publ., 2013, 532 p.
7. Karnyshev A.D., Ivanova E.A. *Jetimologicheskie i psihologo-jekonomicheskie projavlenija kitajskogo patriotizma v Bajkal'skom regione* [Etymological and Psycho-Economic Manifestations of Chinese Patriotism in the Baikal Region]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Politologija. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2019, vol. 30, pp. 75-85 (in Russian)
8. Karnyshev A.D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. *Resursy lichnosti i mezhetnicheskogo vzaimodejstvija v mnogopoljarnom mire (Mezhdisciplinarnyj diskurs)* [Resources of Personality and Interethnic Interaction in a Multipolar World (Interdisciplinary Discourse)]. Monograph. Irkutsk, IGU Publ., 2025. 168 p. (in Russian)
9. Karnyshev, A.D., Karnysheva, O.A. *Otnoshenie k vlasti i lichnosti v anarhizme i osobennosti ih projavlenija v mnogopoljarnom mire* [The attitude to power and personality in anarchism and the peculiarities of their manifestation in a multipolar world]. *Institut psikhologii Rossiyskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Work], 2025, vol. 10, no. 4, pp. 4-32. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2025_37_4_001 (in Russian)
10. Kissindzher G. *Mirovoj porjadok* [World order]. Moscow, AST Publ., 2023, 544 p. (in Russian)
11. *Kratkaja filosofskaja jenciklopedija* [Concise Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Progress Publ., Encyclopedia Publ., 1994, 576 p. (in Russian)
12. Kropotkin P.A. *Zapiski revoljucionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1966, 544 p. (in Russian)
13. Kropotkin P.A. *Pisma iz Vostochnoj Sibiri* [Letters from Eastern Siberia]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1983, 192 p. (in Russian)

14. Kropotkin P.A. *Jetika. Izbrannye trudy* [Ethics: Selected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 496 p. (in Russian)
15. Kropotkin P. *Jetika. Iz fragmentov 2-go toma "Jetiki"* [Ethics. From the fragments of the 2nd volume of "Ethics"]. *Opyty. Literaturno-filosofskij sbornik* [Essays. Literary and philosophical collection]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1990, pp. 248-270. (in Russian)
16. Ridli M. *Proishozhdenie altruizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu* [The Origin of Altruism and Virtue: From Instincts to Cooperation.]. Moscow, Jeksmo Publ., 2014. 371 p. (in Russian)
17. Frolov I.T. (ed.). *Filosofskij slovar* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 590 p. (in Russian)
18. Ellison J., Jevoļucija (ed.). *Ot Darvina do sovremennyh teorij* [Evolution. From Darwin to modern theories]. Moscow, AST Publ., 2020, 320 p. (in Russian).
19. Jadrincev N.M. *Istorija osvoenija Sibiri* [The history of the development of Siberia]. Moscow, Jeksmo Publ., 2023. 640 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Карнышев Александр Дмитриевич

доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной работы, заведующий, междисциплинарная лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований

Иркутский государственный университет

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

e-mail: ale3441@yandex.ru

ORCID 0009-0006-6245-9150

Иванова Елена Александровна

кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования и развития личности

Иркутский государственный университет

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

e-mail: ea444@yandex.ru

ORCID 0009-0008-5097-9372

Information about the authors

Karnyshev Alexander Dmitrievich

Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of Social Work, Head, Interdisciplinary Laboratory of Psychological, Economic and Cross-cultural Studies, Institute of Social Sciences

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

e-mail: ale3441@yandex.ru

ORCID 0009-0006-6245-9150

Ivanova Elena Alexandrovna

Candidate of Sciences (Psychology Sciences), Associate Professor Department of Psychology of Education and Personality Development

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

e-mail: ea444@yandex.ru

ORCID 0009-0008-5097-9372